

Доживем до вторника?

Комсомольская правда, -1998, -31 авг. - с. 4

О нашей школе, ее застарелых болячках и новых проблемах корреспондент «КП» беседует в канун нового учебного года с кинодраматургом Георгием Полонским, автором сценария культового фильма «Доживем до понедельника».

Кстати, на днях этой замечательной картине исполняется 30 лет

Картина сдавалась в августе 1968 года. Сразу после показа фильма в Госкино один из чиновник сказал: «Ну вот вам среда, атмосфера и почва чехословацких событий». В это время наши танки как раз входили в Прагу...

- А почему такое название - «Доживем до понедельника»? - спросила я кинодраматурга Георгия Полонского.

- Если помните, в самом финале картины, - объяснял мне Георгий Исидорович, - когда Илья Семенович Мельников, учитель истории (его играл Вячеслав Тихонов), заканчивает урок, он говорит ученикам: «Надеюсь, что до понедельника вы не спалите школу»...

Наверное, сейчас подобное напутствие нельзя делать шутя. Во всяком случае я бы поостерегся. А тогда казалось диким само предположение.

- Да, многое изменилось с тех пор. Но нынче и меркам невинный, идеалистичный фильм тогда вызвал смятение у чиновников...

- Главный редактор Госкино СССР сказал, что «Доживем до понедельника» - самая большая ошибка за всю историю киностудии. Хотя Центральная детская киностудия как раз обязана была снимать фильмы о школе, об отношениях взрослых и школьников. Но в нашем фильме усмотрели попытку создать образ интеллигента, к тому же диссидентствующего. Помните, герой Тихонова разговаривает со своей матерью: «Мам, ты не замечала, что в безличных предложениях есть какая-то безысходность. Моросит. Темнеет. Ветрено. Не на кого жаловаться. И не с кем бороться». Или на уроке истории он говорил: «Герцен не понимал. Жорес не сумел. Толстой недопонял. Слово в истории орудовала компания двоечников».

- Скажите, а у Ильи Семеновича Мельникова был реальный прототип?

- Скорее нет. После выхода фильма в одной газете появилась статья «Доживем до мельниковых». Это идеальный образ из области художественной футурологии. Когда-нибудь, Бог даст, такие учителя появятся. Хотя мне эти образы мерцали из моих школьных лет.

У нас был такой Александр Николаевич Аржанов, учитель русского и литературы. Он вбегал в класс, бросал папку на стол и сразу, без предварительных «здравствуйте, кто отсутствует», декламировал: «И Пушкин падает в голубоватый, колючий снег. Он знает, здесь конец, недаром в кровь его влетел крылатый, безжалостный и жалиющий свинец». Или мог читать наизусть нам «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, или Гоголя...

- Вы тоже по своему первому образованию школьный учитель. По-

Чем не сценка из жизни сегодняшней школы?

чему выбрали эту каторжную профессию?

- Я с детства мечтала быть словесником, писал стихи, рассказы. На филологический факультет МГУ меня не приняли. Я поступил в пединститут. Но еще студентом стал писать пьесы. Первую мою пьесу поставили в знаменитом студенческом театре МГУ на улице Герцена. Меня туда привел Ролан Быков. В педвузе я учился вместе с поэтом Олегом Чухонцевым, Владимиром Войновичем, тот, правда, был на историческом факультете.

У меня диплом преподавателя русского языка, литературы и английского. После института пошел работать в 521-ю школу в Черемушках.

В старших классах я ввел такую практику: за 5 минут до конца урока откладывал английский в сторону. Со словами «А теперь поэзия» начинал читать детям Мандельштама, Гумилева, Ахматову, Слуцкого. Я считал: раз объясниться с учениками на английском языке в пределах школьной программы нельзя, я объяснюсь с ними на языке поэзии. Более прямого провода к их душам, на мой взгляд, не существовало. Поэзия дает основы мировоззрения. Сначала меня воспринимали как странного учителя, были смешки, озадаченность, нелепое поведение. А потом ребята стали канючить уже не за 5, а за 10 минут до урока: стихи давайте, стихи. В конце концов у нас завязались замечательные отношения.

Я не только преподавал, но и писал в то время. В Театре Моссовета шла моя пьеса «Два вечера в мае» с Маргаритой Тереховой в главной роли. Ученики видели мою фамилию на афише: «Смотри, это наш». Им было приятно.

- У меня складывается впечатление, что образ почти идеального учителя Мельникова вы могли срисовать с себя...

- Вряд ли. Я проработал в школе два года и понял: это не мое призвание. Поступил на высшие

сценарные курсы во ВГИК. Но, наверное, чувство вины перед школьниками, которых я оставил, не позволило мне совсем отойти от школьной темы. Я стал писать киносценарии о школе, по ним были сняты фильмы «Перевод с английского», «Ключ без права передачи»...

Окончательно я так и не смог бросить педагогическую стезю: преподавал на курсах театральных драматургов, репетиторствовал среди детей своих друзей.

- Тогда вопрос к вам как к педагогу. Какая, на ваш взгляд, самая страшная беда грозит нашей школе?

- Современная школа не дает работы для чувств.

Самое страшное - это раздражение, которое вызывает у детей чтение. Это раздражение тотально. Школьники не хотят читать, ленятся. Зачем, считают они, утруждать себя складыванием букв в предложение, когда есть телевизор? Даже чеховскую «Каштанку» отказываются читать - смотрят ее экранизацию. Какой бы талантливой ни была экранизация, все равно это усушка и утруска литературного первоисточника.

Психология современного школьника сложная. Он не доверяет людям старшего поколения, особенно если не очень повезло с родителями, дедушками и бабушками. В воспитании личности семьи все-таки главное. Сейчас в семьях стало меньше чуткости, все огрубело, упростилось до предела. По этой же упрощенной схеме дети оценивают все старшее поколение, в том числе и учителя.

Моей заботой в картине «Доживем до понедельника» и в других

школьных фильмах было воспитание воспитателей. Не только учителей, но и родителей тоже. Мне казалось, в этом гвоздь проблемы: если не будет воспитано взрослое общество, тогда пагуба ждет наших детей, духовная опустошенность.

По-моему, сейчас в этой массовой профессии (в России около двух миллионов учителей) хороших, добрых, терпимых и маломальски содержательных учителей становится все меньше и меньше. Мне кажется, что большинство девочек, поступающих в педвузы, идет туда потому, что плохо представляет себе альтернативу. Предчувствуют, что бизнес им не по зубам, а точные науки тем более.

- Действительно, у большинства нынешних учителей нервы оголены, они срываются, кричат на детей. Но откуда взялась чуткости и пониманию, когда настолько тяжелой стала жизнь школьного учителя?

- Даже когда все внешние обстоятельства против учителя, нужно уметь передать детям любовь к знаниям, к русскому языку, просто к речи. Сегодняшние школьники говорят на унылом и обездушенном языке, потерявшем свои краски. Наверное, надо превратить школу в избу-читальню. У старшеклассников, мне рассказывали, практикуются дайджесты, в которых на нескольких страницах кратко изложены и «Анна Каренина», и «Преступление и наказание». Наверное, это символично. Надо менять школьную программу. В нее не должен входить Достоевский, потому что

пятнадцатилетнему подростку он категорически неподсильен. А чтобы рассказать про духовные искания Пьера Безухова или про прелесть Наташи Ростовой, которая не удосуживалась быть умной, учителю нужно надсаживать голос.

Увы, романы из школьной программы содержат в себе массу проблем, непосильных современной школе. Помните, в фильме «Доживем до понедельника» Илья Семенович говорил: «Сеешь разумное, доброе, вечное, а вырастает белена с чертополохом». Не так ведь должно быть! Финал не имеет права быть таким.

Анастасия ПЛЕШАКОВА.

Вячеслав Тихонов - «идеальный учитель».

Помните, Георгий

31.08.98